

ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ «РАЗОВОГО КОДА» АРГО НАРКОМАНОВ JARGON OF DRUG ADDICTS

© Липатова Антонина Петровна

Antonina P. Lipatova

кандидат филологических наук, эксперт экспертно-криминалистического отдела, УФСКН РФ по Ульяновской области.

PhD (Philology), expert, Office of Federal Drug Control Service of Russia for Ulyanovsk region.

✉ antonina.antonina282@yandex.ru

О наркотиках, как правило, говорится скрыто. Эксперту при производстве лингвистической экспертизы приходится прилагать некоторые усилия, чтобы декодировать сообщение. Сложнее всего поддаются анализу так называемые окказиональные номинации – порождение «разового кода», то есть особого языка, употребляемого в пределах малой группы, члены которой связаны друг с другом определённой деятельностью (например, наркоторговлей). На выявление механизмов «разового кода» «скрытой» коммуникации наркоманов и направлена статья.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, имплицитный дискурс, аргументы наркоманов, жаргон, «разовый код», окказиональная номинация.

Лингвистическая экспертиза – особый вид судебных экспертиз, направленная на выявление в тексте слов и выражений, обозначающих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры; на дачу толкования и разъяснения значений определённых слов, словосочетаний и фраз; на выявление в текстах слов и выражений, содержащих сведения о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотиков и их прекурсоров; на выявление в текстах слов и выражений, призывающих к легализации наркотиков, употреблению, предпочтению одного наркотика перед другим [4, с. 12–13].

Необходимость в проведении лингвистического исследования возникает в том случае, когда коммуникация характеризуется высокой степенью имплицитности, а предмет разговора пытаются скрыть от третьих лиц [1]. Назовём такой тип общения «закрытой коммуникацией». Это явление не является новым, «закрытая коммуникация» в той или иной степени характери-

The drugs are not discussed openly. Experts performing linguistic expertise have to make efforts to decode the message. The most difficult thing to be analyzed is so-called “single nomination”. These words are used within a small group, whose members are connected with each other in certain activities (selling drugs). Article aims to identify the mechanisms of their nomination.

Key words: linguistic expertise, implicit discourse, jargon, single nomination.

зуют любую субкультуру. Корни этого явления лежат в народной зауми, в феномене аргумента.

Поскольку собеседники обладают достаточным объёмом общих фоновых знаний о событиях, предшествующих разговору, они с лёгкостью декодируют сообщение; недопонимания между ними не возникает. Третьим же лицам (например, эксперту-лингвисту, следователю) нужно прилагать определённые усилия, чтобы понять тайный смысл нарратива.

Участники «закрытой коммуникации» прибегают к самым различным средствам сокрытия предмета разговора. Таким нарративам свойственны контекстуальная неполнота; эллиптические конструкции; нулевые пустые номинации; жаргонные обозначения; метонимические переносы; неясные, аномальные номинации; так называемый «разовый код».

Особую трудность для декодировки представляет окказиональные номинации наркотических средств и психотропных веществ, так называемый «разовый код», то есть «специфическое образование, когда обычным словам придаются особые “тайные значения”, причём так, чтобы

для постороннего слушателя речь не казалась странной и имела бы свой обычный смысл, складывающийся из нормативных лексических значений» [9, с. 106]. Окказиональные номинации редко попадают в словари. Исключение составляет «Словарь арготизмов наркобизнеса», в котором один из разделов посвящён «разовому коду» [7, с. 139–149]. Выявление продуктивных моделей окказиональных номинаций наркотиков посвящена данная статья. В основу работы положен анализ записей разговоров на фонограммах, являющихся объектом фоноскопических исследований, а также материалы словарей, в том числе размещённых в Интернет-пространстве [2, 3, 5].

Первое, что должен сделать лингвист, столкнувшийся с окказиональной номинацией, это убедиться, что в разговоре разворачивается наркотический дискурс. Как бы участники коммуникации ни пытались скрыть

«близнецы», «кот», «буйволы», «динозавр», «птичка», «плейбой», «сердечко», «серп и молот», «скорпион», «слон», «смайлик» и подобное (наименование наркотического средства по маркировке: по изображению, надписи); «жёлтая», «розовая», «фиолетовый», «черняшка», «чернота», «блэк», «чернуха», «зелень», «белый», «белка», «беляк», «белянка», «рыжуха», «рыжики», «серебряная» (наименование наркотического средства по цвету) и т. п.

В других случаях арготическая номинация является производной от официального названия наркотического средства: «клоф(а)» (клофелин); «Кет», «кетчуп» (кетамин); «Фен», «дядя Федя» (фенамин, фенадон); «Гаррик», «Гера», «Герасим», «Герман», «Гриша», «Галя», «Гарисон Форд», «Гарсон», «Товарищ Игорь», «Гари», «Гарисон», «Ярик» (героин/гашиш); «Вася», «Витя», «Виктор Павлович», «Витёк» (первитин) и т. п.

Сложнее всего поддаются анализу так называемые окказиональные номинации – порождение «разового кода», то есть особого языка, употребляемого в пределах малой группы, члены которой связаны друг с другом определённой деятельностью (например, наркоторговлей).

настоящий предмет разговора, в сознании у каждого этот объект обладает определёнными свойствами.

Чтобы речь не казалось странной, окказиональная номинация должна легко встраиваться в смысловые компоненты концепта «наркотики»: название наркотического вещества, вес, стоимость, размер порции, количество, качество [1]. В содержание концепта «наркотики» входит подкласс «действие» (способ употребления наркотического средства; действие, оказываемое им, и подобное) и подкласс «субъект» (распространители, покупатели, сотрудники полиции и другие лица) [10, с. 101–107].

Чтобы встроиться в контекст, слово должно обладать пластичностью своей внутренней формы.

В некоторых случаях внутренняя форма слова ясна. Как правило, такие номинации не являются универсальными, поскольку называют один конкретный вид наркотиков. В них отражаются особенности «внешней формы» запрещённого препарата: «авиабилеты», «векселя», «газета», «евро», «календарь», «ярлычки», «промокашки» (наименование наркотического средства, скорее всего, «марок»); «шайбы», «телепузики» (наименование наркотического средства, скорее всего, таблеток); «ящерицы», «Бетмен», «звёзды», «знаки Зодиака», «лакост», «ёж», «супер-марио», «волшебник», «рыбки»,

И в первом и во втором случае номинации не являются примерами «разового кода», поскольку их связь с официальным названием наркотика достаточно прозрачна. Такие номинации попадают в специализированные словари арготического жаргона наркоманов. Например, номинация наркотического средства «гарик» в разной фонетической форме встречается практически во всех словарях молодёжного сленга и жаргона: «ГАРИК (гаррик) – 1. Героин. 2. Вещество, напоминающее по строению пластилин, курят как ганжу, за исключением косяков» [7, с. 20; см. также : 2, с. 30; 2, с. 129, 237 и др.]. Такое обозначение нельзя считать окказиональным, это жаргонная номинация наркотика.

Жаргонные наименования, как правило, касаются конкретного вида наркотика и не являются универсальными. Их связь с официальным названием запрещённого препарата достаточно прозрачна. В отличие от жаргонных наименований, «разовый код» обладает большим потенциалом встраивания в контекст, окказиональные номинации лучше маскируют истинный смысл сообщения.

Не являются окказиональными номинациями и слова типа «дурь», «шмаль» и подобное: «У нас же вон там на две, на две сотни лежит этой х.йни». Это своего рода «слова-заместители, которые, обладая семантической опустошённостью, способны замещать, подобно

местоимениям, различные существительные и друг друга: гадость, стафф, яд» [10, с. 103]. В отличие от жаргона, «слова-заместители» универсальны и поэтому в молодёжной среде могут характеризовать практически любой предмет, а не только наркотики.

Связь окказиональных номинаций наркотических средств, принятых в небольших закрытых группах («разовый код»), с номинациями официальными, как правило, неясна: «мячики», «игрушки», «плита». Чтобы коммуникация была удачной (с одной стороны, информативной, с другой стороны, скрытой), необходимо, чтобы окказиональная номинация максимально плотно встраивалась в «наркотический» контекст: действия, совершаемые с предметом (например, с «гречкой», «запчастями») и с наркотиком, должны быть похожи (способ потребления, оказываемый эффект); вопросы о качестве и о количестве предмета, о его наличии, цена предмета, желание его купить не должны вызывать подозрения у третьих лиц и т.п.

Если контекст окказиональной номинации и контекст концепта «наркотики» в общих чертах совпадают, то перед нами пример удачной «скрытой коммуникации». Если «встраивания» в «наркотический» контекст не происходит, то коммуникация, скорее всего, будет аномальной; это даст возможность третьему лицу (эксперту, следователю) поставить под вопрос однозначность дискурса.

Под аномалией в данном случае понимается «нарушение правил употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [10, с. 103].

Аномалия может скрываться на синтаксическом уровне. В данном случае показателем является внезапная мена числа и рода при разговоре об одном и том же объекте: «М1: Возьмёшь што ли у меня пятнадцать бутылочек? М2: Давай, заберу. Нормальный он?» (местоимение «он» не сочетается с «бутылочками»), нарушение логических связей между предложениями или частями предложений [8, с. 11–12].

Если при формальной грамматической правильности конструкций, составленных из обычных слов, высокая степень неопределённости возникает на уровне референции, то перед нами аномалия на супрасинтаксическом уровне, которая проявляет себя в следующем:

– наличие выраженной негативной эмоциональной реакции на нейтральную, с точки зрения логики и тематики разговора, информацию: «М1: Мне привезли новые фильмы. М2: Да ты охренел, звонишь по этому поводу на мой телефон!» [8, с. 11–12];

– смысловое несоответствие отражённого в речи содержания понятия (совокупности признаков) его объёму (денотатам, то есть объектам

внеязыковой действительности): «привези яблоки с железными ножками» [8, с. 11–12];

– соседство неясной (или аномальной) и нулевой номинации: «У тебя осталось чё? – Не, у меня кончилось всё» (нулевая номинация), «Возьмёшь што ли у меня пятнадцать, бутылочек?» (аномальная номинация);

– несочетаемость двух номинаций, относящихся к одному и тому же объекту и встречающихся не рядом, но в рамках одного разговора (цикла разговоров): «мы вам запчасти даём ... из одного колодца»;

– непривычный способ обращения с предметом, нехарактерный для номинации контекст: «Всегда только делай нормальные», «Не экономь даже. Потому што качество, качество, сам знаешь, в последнее время хромает, е..ть!» (речь идёт о «бутылочках»);

– оценка объекта без детализации, конкретизации («нормальные», «плохие» про «бутылочки»);

– паузы перед введением номинации: «У тебя осталось // чё?», «Возьмёшь што ли у меня пятнадцать // бутылочек?».

Аномалии дискурса свидетельствуют о том, что рассказчики пытаются скрыть истинный предмет разговора.

Все окказиональные номинации наркотических средств, являющиеся «разовым кодом», подразделяются на две группы: «живое существо/предмет».

Модель, реализованная в группе «живое существо» (гипероним «человек»: «блондинка», «взрослые», «девочка», «телки» («две телки»), «милашка»), не является продуктивной, поскольку такие номинации трудно встраиваются в контекст «закрытой коммуникации»: фраза типа «я у тебя две блондинки возьму?!» звучит, по меньшей мере, странно.

Группа «предмет» включает в себя более продуктивные модели, поскольку многие предметы можно посчитать, взвесить, купить, качество предмета может быть плохим или хорошим.

Группа «предмет» распадается на несколько подгрупп.

Наиболее продуктивная модель реализована в подгруппе «продукты питания»: гипероним «еда»: «апельсины», «шашлык», «орех», «мясо», «сало», «опята», «пирожки», «пирог», «буханка», «гречка», «манка», «мука», «семечки», «кубик бульонный» и подобные; гипероним «питьё»: «вода», «кофе», «кока-кола», «фанта», «йогурт» и подобные; гипероним: «сладкое»: «конфеты», «пирожки», «пряники» и под. Номинации, входящие в данную подгруппу, «встраиваются» в большее количество «наркотического» контекста, не теряя при этом своего обычного смысла. Одни предметы из

вышеперечисленных можно посчитать («апельсины», «шашлык», «пирожки»). Другие имеют в своём значении такой важный для наркотиков концепт, как «сыпучесть» («гречка», «манка», «мука», «семечки»), при этом их можно и посчитать, используя те или иные единицы измерения («килограмм гречки», «три мешка муки»). Можно, не вызывая подозрения, спросить и о качестве продуктов питания: «а конфеты вкусные?», «шашлык жирный?».

Подмена названия наркотика продуктами питания очень популярна ещё и потому, что для наркоманской «субкультуры» характерно использование метафоры «еды» для обозначения, например, способа потребления наркотика: «Мы, если есть, то жрём всё. Больше у нас, по моему, ничего нет. То есть, съедали вот это, мы брали всё и мы съедали», «Дозняк у тебя какой? Сколько ты в день можешь скушать? Какой у тебя аппетит? – Грамульку и всё. – Неплохой у тебя аппетит, я тебе скажу. – Да ладно, какой это аппетит-то?!».

Удачные разовые номинации (то есть те, которые легко встраиваются в «наркоманский» концепт) из данной подгруппы со временем теряют свой окказиональный характер и прочно входят в жаргон наркоманов (ср.: «гречка», «мука»). Такие номинации не вызывают трудности при декодировке.

Но встречается и большое количество номинаций, не зафиксированных в словарях аргос наркоманов. Приведём пример диалога: «Ж2: Я ... больна. Ж1: А? Ж2: В аптеку не ездили, да? Ж1: Нет. <...> Ж2: А у тебя дома нету? <...> Ж1: Я вообще голенькая. У меня даже ты... ты... тыкалок нет. Вообще. Б..дь буду. Клянусь тебе. Здоровьем соседского поросёнка. Ж2: Нормально. <...> Ж1: ... Про фунтика, про фунтика-то стишок-то помнишь? <...> Маленький Фунтик сел на стульчик, взял колпачок, подай пяточок. <...> Чё я кину х.й на спину? Чтобы (легче) улететь. А? <...> Ж2: Де-десять тока. <...> Ж1: Пять, пять, пять закину пока. Пять. И пять возьму. Можно?! <...> Ж2: Две свиньи заберёшь? <...> Два пяточка, две свиньи, две хрюшки заберёшь? Ж1: Пряма мальчиш-кибальчиш, чего говоришь? Ж2: Две хрюшки заберёшь, говорю, два пяточка? Два поросёнка заберёшь? <...> Ж1: Заберёшь. Почему нет?! Ж2: Всё. Давай. Только... остались по два. <...> Ж1: Хрюшки сытные или беспонтовые? Ж2: Такие, как раньше».

В тексте наблюдается нарушение логических связей между предложениями. Ж1 рассказывает стишок про Фунтика: «Ж1: Маленький Фунтик сел на стульчик, взял колпачок, подай пяточок». Важная для Ж1 и Ж2 информация заключена во фразе «подай пяточок». В контексте

стиха про Фунтика пяточок – «*уменьшительное от ПЯТАК – монета или сумма в 5 копеек*» [6, с. 852]. В молодёжном сленге слово «пяточок» имеет более широкое значение: «*что-л. количеством пять, пятьдесят, пятьсот*» [5, с. 695].

Это значение слова поддерживается разговоривающимися при дальнейшей беседе, поскольку далее Ж1 и Ж2 обсуждают количество чего-то: «Ж2: Десять только. Ж1: Пять, пять, пять закину пока. Пять. И пять возьму. Можно?! Ж2: Две свиньи заберёшь?». Видимо, «пять» – это и есть «пяточок», «две свиньи» – это «десять».

При дальнейшем разговоре контекст резко меняется. Слово «пяточок» (монета) «превращается» в «пяточок» в другом значении – «*Круглое рыло у свиньи (разг.)*» [6, с. 852]. А в дальнейшем «пяточок» (в значении «круглое рыло у свиньи») «становится» самой «свиньёй», «хрюшкой». Показательно, что эта игра со значением слова понятна собеседникам, все эти переходы от значения к значению не требуют для них комментариев и разъяснений.

При этом общий смысл купли-продажи предмета остаётся прежним: «Ж2: Две свиньи заберёшь? Ж1: Чего? Ж2: Два пяточка, две свиньи, две хрюшки заберёшь?». Ж1 интересуется уже не количеством «пяточков», а качеством «хрюшек»: «Ж1: Хрюшки сытные или беспонтовые?», что в контексте всего разговора звучит аномально. Во фразе Ж1 содержится негативная реакция на нейтральную, с точки зрения логики и тематики разговора, информацию: «беспонтовые» про «хрюшек». Слово «беспонтовый» со значением «безнадёжный, невыгодный, бесперспективный» в современных толковых словарях имеет помету «пренебрежительное», «неодобрительное» [5, с. 56].

Во фразе «Хрюшки сытные или беспонтовые?» наблюдается смысловое несоответствие отражённого в речи содержания понятия (совокупности признаков) его объёму (денотатам, то есть объектам внеязыковой действительности). На первый взгляд кажется, что слово «сытный» имеет некоторое отношение к «хрюшкам», точнее, к приёму пищи (блюда из «хрюшек»). Но про «хрюшек» (в значении «животное») уместнее было бы сказать «откормленные», «упитанные». Если же вместо слова «хрюшка» употребить слово «пяточок» в значении «что-л. количеством пять, пятьдесят, пятьсот» (как это было в начале разговора), то слово «сытный» (в прямом значении) вообще теряет смысл.

Итак, в тексте имеются элементы, маскирующие прямой смысл явления путём «замалчивания» какой-либо информации и передачи информации с помощью «условного» языка. Значение слов «хрюшка», «пяточок» меняется на

протяжении разговора. Это примета аномалий на супрасинтаксическом уровне коммуникации.

«Пятачок» – слово, характерное для жаргона наркоманов. «ПЯТАК (-а, м.) – наименование наркотического средства» [7, с. 145], «ПЯТАК (пятачок) (-а, м.) – 1. Окурок сигареты или папиросы с анашой, гашишем. 2. Место торговли НС, притон» [7, с. 72]. В контексте разговора «пятачок», «пятак» – это не наименование наркотического средства, не окурочка анаши и не место торговли наркотиками. Скорее всего, это слово обозначает «размер порции наркотического средства». В данном случае используется приём метонимического переноса: вместо наименования наркотика (его название было бы излишнем, поскольку члены группы и так понимают, о чём идёт речь) говорится о «размере порции наркотического средства».

В разговоре собеседницы употребляют и другие слова, которые можно отнести к семантическому полю «наркотики»: «Ж2: Я ... больна. Ж1: А? Ж2: В аптеку не ездили, да? Ж1: Нет. <...> Ж2: А у тебя дома нету? Ж1: А? Ж2: Дома нету? Ж1: Я вообще голенькая. У меня даже ты-... ты-... тыкалок нет».

Слово «аптека» является распространённым в среде наркоманов. «АПТЕКА (-и, ж.) – принадлежности для приготовления и инъекции наркотика» [7, с. 8]. Слово «тыкалка» тоже, скорее всего, относится к наркоманскому аргю. «Тыкалка» – отглагольное существительное со значением «предмет по действию, им производящим». «ТЫКАТЬ – что во что. Вонзать, втыкать (прост.)» [6, с. 1094]. «ВТЫКАТЬ, см. ВОТКНУТЬ – заставить войти, вонзить что-н. острое, тонкое» [6, с. 131]. Скорее всего, «тыкалка» – это обозначение шприца для инъекций. Подобные модели характерны для жаргона наркоманов. Например, слово «пырялка» («игла для шприца» [7, с. 130, 137] образовано по той же модели: отглагольное существительное женского рода, образованное путём прибавления суффикса «-лк(а)»). Возможен и обратный процесс – образование глагола от существительного: «иглиться» (от «игла – шприц»).

Вероятно, в разговоре речь идёт о наркотическом средстве или психотропном веществе. В «Словаре арготизмов наркобизнеса» слова «хрюшка» нет. Анализ словарного материала показал, что в речи наркоманов встречаются синонимы анализируемых лексем: «хрюшка» (ср.: «мясо», «сало»), «сыгный» (ср.: «жирненький»).

Не менее продуктивной моделью является модель, реализованная в подгруппе, объединяющей собой концепты «порция», «ёмкость», «мера измерения»: «сумка», «мешок», «кастрюля», «охапка», «размер», «бутылка», «бутылка пива», «банка», «метр» («метр кабеля»), «литр», «гра-

дус», «минуты» («минуты на телефоне»), «час» («два с половиной часа»), «пачка» («две пачки электродов»), «комплект» («полтора комплекта», «два комплекта»), «кулёк» и подобные.

Для маскировки прямой номинации наркотического вещества дикторы используют приём метонимического переноса с фасовки (доза, мера) на содержимое (наркотическое средство).

Анализ «Словаря арготизмов наркобизнеса» показал, что распространённой моделью является модель, реализованная в подгруппе «автомобиль, марка автомобиля»: «машинка», «Тойота», «БМВ», «Митсубиси», «Мерседес», «Вольво»: «Один БМВ, да, беру», «На какой Митсубиси гоняешь? На зеленой? – Нет, на красной». Предполагаем, что эта модель является не очень удачной, поскольку такие характеристики предмета (в данном случае автомобиля), как дороговизна и большой размер, ограничивают возможности сочетаемости данных лексем. Скорее всего, перед нами аномальная номинация одного вида наркотика, возможно, «скорости» – «наркотика типа амфетамина, в частности перветина (винт)» [7, с. 78] (о чём косвенно свидетельствует контекст типа «на какой машине гоняешь?»).

Иногда для скрытого названия наркотиков используют слова, обозначающие «предметы одежды»: «кроссовки», «платье», «свитер» («померить свитер»), «сапоги», «труссы», «майка». Несмотря на то, что таких номинаций в «Словаре арготизмов наркобизнеса» зафиксировано немного, эта модель представляется нам удачной: данные предметы поддаются счёту, их можно купить друг у друга, качество их может быть разным.

Номинации следующей подгруппы трудно объединить каким-то общим гиперонимом (к ним, наверное, подошло бы максимально обобщённое слово «предмет»): «игрушки» («дай поиграть»), «инструмент», «кабель», «карандаши», «груз», «треки», «диски», «доски», «дрова», («дров пожарить»), «кубик», «лак», «мулине», «отвёртка», «точка», «рецепт» («выпиши мне три рецепта»), «плитка» «прокладки», «ткань», «флешка», «шампунь», «ключи» («ключи от однокомнатной квартиры»), «портфель», «пропеллер» и др. Внешняя связь подобных номинаций с концептом «наркотики» отсутствует: они являются лучшим примером «разового кода», принятого для скрытого обозначения наркотиков в закрытой группе лиц.

В зависимости от таланта и фантазии общающихся окказиональные номинации начинают «обрастать» особым контекстом.

Здесь возможно два варианта.

Иногда номинацию порождает ситуация: «на кладбище плитку пилила». Здесь номинация

«плита», «плитка» («название наркотического вещества» [7, с. 145]), скорее всего, возникла в сознании говорящего вследствие развития темы «кладбища» в значении «место, в котором происходит фасовка наркотиков» [7, с. 142].

В других случаях сама номинация порождает ситуацию, с ней связанную: «мяч» – «пофутболить», «игрушки» – «поиграть», «диски» («реп», «музыка») «играют»/«не играют». Рассмотрим это на примере следующего диалога: «М1: А кто с тобой в синей шапке проходил к тебе домой? М2: А, да это Серёжа был. <...> М1: А, это спортсмен шо ль? М2: Да. М1: Х.я себе, он чё, б., новость хорошую принес што ль? <...> Мячики есть што ль? У меня просто человек хочет взять. Штоб пофутболить. М2: Нет. У меня заберут всё равно в девять. М1: Не, раз дай сейчас, вот сейчас вот давай. Пряма через двадцать минут зайдём. М2: У меня в девять последнее заберут. М1: Уже всё забили што ль? М2: Ну, два у Серёжи, б..дь, и один у меня заберут. М1: Ну, давай у Серёжи (выдели) тогда один. М2: Он уже один скинул, ещё один он ждёт».

В тексте наблюдается нарушение логических связей между предложениями. На первый взгляд кажется, что речь идёт о мячах, о футболе. причём «околоспортивная» тематика характерна больше для реплик лица М1: «А, это спортсмен шо ль?», «Мячики есть што ль? У меня просто человек хочет взять. Штоб пофутболить», «Уже всё забили што ль?». С одной стороны, М2 понимает, о чем говорит М1: «М1: А, это спортсмен шо ль? – М2: Да». С другой стороны, реплики М2 грамматически не сочетаются с репликами М1: «М1: Мячики есть што ль? У меня просто человек хочет взять. Штоб пофутболить. М2: Нет. У меня заберут всё равно в девять. <...> М2: У меня в девять последнее заберут». Собирательное не поддающееся счёту существительное «последнее» («заберут») не сочетается с «мячиками» как конкретными предметами, тем более что из дальнейшего дискурса становится понятно, что предмет, названный «мячиком», поддается счёту: «М2: Ну, два у Серёжи, б..дь, и один у меня заберут. М1: Е..ть! Ну давай у Серёжи (выдели) тогда один. М2: Он уже один скинул, ещё один он ждёт». «Настораживает» и жаргонное слово «скинул», употреблённое относительно «мячиков». Более того, наблюдается несоответствие номинации и контекста её появления: такая «популярность» и «востребованность» нехарактерна для «мячиков»: «М1: Аха, понятно. Ну, всё, короче, полностью, (расхват) полный, да?». Настораживает и явно завышенная цена «мячиков», порождающая трудности за них расплатиться. Собеседники обсуждают наличие/отсутствие платы (денег, «бумаг») за товар: «М1: Бумаг – бумаг не видно!».

«Спортивный» контекст, начатый М1 в начале разговора, не поддерживается собеседником в дальнейшем. Но собеседники продолжают разговор и при этом понимают друг друга.

Скорее всего, М1 и М2 договариваются не о приобретении «мячиков», точнее, «мячиками» называется какой-то другой предмет. «Мячики» – это неясная номинация какого-то предмета, принятая в данной группе. Обычным словам придается особое «тайные значения», причём так, чтобы для постороннего слушателя речь не казалась странной и имела бы свой обычный смысл, складывающийся из нормативных лексических значений. В «Словаре арготизмов наркобизнеса» зафиксировано жаргонное употребление слова «мяч». Мяч означает «мера наркотика» [7, с. 53]. Скорее всего, в данном случае «мяч» является не жаргонным словом со значением «мера наркотика», а «разовым кодом», принятым в данной группе, окказиональной номинацией наркотического средства. Об этом свидетельствует то, что данное слово М1 пытается «встроить» в особый «спортивный» контекст («спортсмен», «мячики», «пофутболить» и «забить» («гол»?)), отличный от контекста, связанного со сбытом наркотиков.

Итак, удачная окказиональная номинация – это та, которую можно употреблять в рамках любого смыслового компонента концепта «наркотики», не вызывая подозрения у нежелательных слушателей. Исходя из этой логики, «запчасти» – менее удачная номинация наркотического средства, чем «дрова», поскольку фраза «дрова не прогорают» звучит логичнее, чем фраза «запчасти не прогорают». Но даже если формально в дискурсе законы логики не нарушены, сама ситуация, в которой совершается разговор, нередко оказывается «подозрительной»: молодой человек звонит своей девушке, чтобы узнать, «прогорают ли дрова», или едет к ней поздно ночью за «сантиметром» и т. п. Аномалии – первое, на что обращает внимание эксперт в тексте. Далее эксперт проверяет свои «находки» (аномальные номинации) по словарям (в том числе и размещённым в сети Интернет). Не все окказиональные номинации кодифицируются, но в словарях могут содержаться словоформы, похожие на искомые. Пристальный анализ словарного материала позволит «встроить» искомое слово либо в словообразовательную («тыкалки» от «тыкать», ср.: «пырялки» от «пырять» [7, с. 130, 137]) либо в лексическую парадигму (слова – синонимы: «сытный», ср.: «жиренький» [7, с. 141]).

Материалы поступили в редакцию 31.03.2015 г.

Библиографический список (References)

1. **Балаш М. А.** Использование текстов фонограмм, установленных в ходе производства фоноскопических исследований в качестве объекта лингвистической экспертизы по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Юрислингвистика–7 : Язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 400 с.
2. **Квеселевич Д. И.** Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М. : Астрель : АСТ, 2005. 1021, [3] с. ISBN 5-17-018913-3, 5-271-06520-0.
3. **Кобзева И. В.** Контролируемые наркотические средства и психотропные вещества, наиболее распространённые на территории России : справочник специалиста. М. : ЛексЭст, 2007. 80 с. ISBN 5-901638-68-9.
4. Методические рекомендации по производству лингвистических экспертиз текстов, в которых имеется информация, относящаяся к семантическому полю «наркотики» / Т. И. Голощапова, А. А. Смирнов, А. М. Полосина, И. В. Курьянова; под ред. д.ю.н., профессора А. М. Черенкова. М. : ЭКУ 9 департамента ФСКН России РФСЦЭ Минюста России, 2006. 43 с.
5. **Никитина Т. Г.** Молодёжный сленг : толковый словарь. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ : Астрель, 2009. 1102, [2] с. ISBN 978-5-17-058711-7 (AST).
6. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Режим доступа: <http://www.bweek.nm.ru> (дата обращения: 23.03.2015).
7. Словарь арготизмов наркобизнеса / авт.-сост. Т. И. Голощапова, А. М. Полосина, И. В. Курьянова; под ред. С. В. Сыромятникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЭКУ 9 Департамента ФСКН России, 2009. 218 с.
8. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы : методические рекомендации / Е. А. Гримайло, Т. В. Назарова, Н. Ю. Мамаев, А. П. Коршиков, А. В. Ростовская; под ред. Заслуженного юриста РСФСР В. Ф. Статкуса. М. : ЭКЦ МВД России, 2007. 40 с.
9. **Хитина М. В.** Делимитативные признаки устно-речевого дискурса. М. : ООО Типография Сарма, 2004. 160 с. ISBN 5-88983-042-2.
10. **Щенникова Е. В.** Анализ текста на предмет наличия в нем лексики, относящейся к семантическому полю «наркотики» // Теория и практика судебной экспертизы : научно-практический журнал. 2011. № 2 (22). С. 101–107. ISSN 1819-2785.
1. **Balash M. A.** Using text tracks set during production phonoscopic research as an object of linguistic expertise in criminal cases related to drug trafficking. *Jurilingvistika–7 : Jazyk kak fenomen pravovoj komunikacii / pod red. N. D. Goleva.* Barnaul, *Izd-vo Alt. un-ta*, 2005. 400 p.
2. **Kveselevich D. I.** Explanatory Dictionary of Russian language profanity. Moscow, *Astrel', AST*, 2005. 1021 p. ISBN 5-17-018913-3, 5-271-06520-0.
3. **Kobzeva I. V.** Controlled narcotic drugs and psychotropic substances, the most common in Russia: a handbook specialist. Moscow, *LeksJest*, 2007. 80 p. ISBN 5-901638-68-9.
4. **Goloshhapova T. I., Smirnov A. A., Polosina A. M., Kur'janova I. V.** Guidelines for the production of linguistic examinations of texts in which there is information related to the semantic field of «drugs». Moscow, *JeKU 9 departamenta FSKN Rossii RFSCJe Minjusta Rossii*, 2006. 43 p.
5. **Nikitina T. G.** Youth Slang: Dictionary. Moscow, *AST : Astrel'*, 2009. 1102 p. ISBN 978-5-17-058711-7 (AST).
6. **Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions. Available at: <http://www.bweek.nm.ru> (accessed March 23, 2015).
7. **Goloshhapova T. I., Polosina A. M., Kur'janova I. V.** Dictionary argotizmov drug trafficking. Moscow, *JKU 9 Departamenta FSKN Rossii*, 2009. 218 p.
8. **Grimajlo E. A., Nazarova T. V., Mamaev N. Yu., Korshikov A. P., Rostovskaja A. V.** A typical method of judicial linguistic expertise: guidelines. Moscow, *EKC MVD Rossii*, 2007. 40 p.
9. **Hitina M. V.** Delimitativnye signs of oral-verbal discourse. Moscow, *ООО Типография Сарма*, 2004. 160 p. ISBN 5-88983-042-2.
10. **Shhennikova E. V.** Text analysis for the presence in it of vocabulary related to the semantic field of «drugs». *Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy : nauchno-prakticheskij zhurnal.* 2011. No. 2 (22). P. 101–107. ISSN 1819-2785.